

УДК 88.2

ОБРАЗ НАСТОЯЩЕГО С ПОЗИЦИЙ АРХИТЕКТУРНО-ХРОНОТОПИЧЕСКОГО ПОДХОДА

В.В. Федоров, Д.А. Ханьгин, А.Ж. Овчарова

ФГБОУ ВПО «Тверской государственной технический университет», г. Тверь

В социальной практике образ настоящего нередко предстает как некий временной интервал. Единство пространства, времени и значения в архитектурной среде может рассматриваться как хронотоп, позволяющий определить границы и хронологический размер образа настоящего. Феномен «сокращения настоящего» заключается в уменьшении хронологического расстояния до того фрагмента прошлого, который представляется малопонятным и незначимым.

Ключевые слова: *образ настоящего, архитектура, хронотоп.*

В исследованиях, посвященных осмыслению пространства-времени социального бытия, часто присутствует образ линии (оси) времени, позволяющей наглядно представить последовательность событий. В таком рассмотрении *настоящее* предстает как точка разграничивающая *прошлое* и *будущее* [1]. По словам Аристотеля, «*теперь* представляет собой некий край *прошедшего*, за которым еще нет *будущего*, и обратно, край *будущего*, за которым нет уже *прошедшего*» [15, с. 185].

Иногда, напротив, складывается впечатление, что «мы живем лишь в самом ограниченном настоящем без прошедшего и без будущего, среди плоского застоя. Наши воспоминания не идут далее вчерашнего дня; мы как бы чужие для себя самих. Мы так удивительно шествуем во времени, что, по мере движения вперед, пережитое пропадает для нас безвозвратно. <...> В природе человека теряться, когда он не находит способа связаться с тем, что было до него и что будет после него; он тогда утрачивает всякую твердость, всякую уверенность; не руководимый ощущением непрерывной длительности, он чувствует себя заблудившимся в мире» [2]. В таком контексте почти библейское звучание приобретают строки Б. Пастернака («Единственные дни», 1959): «...Тех дней единственных, когда / Нам кажется, что время стало». И далее: «... И полусонным стрелкам лень / Ворочаться на циферблате / *И дольше века длится день* (курсив наш. – В.Ф., Д.Х, А.О.), / И не кончается объять»¹.

¹ Объясняя свой выбор названия для романа «И дольше века длится день», Ч. Айтматов писал «Человек без памяти прошлого, поставленный перед необходимостью заново определить свое место в мире, человек, лишенный исторического опыта своего народа и других народов, оказывается вне исторической перспективы и способен жить только сегодняшним днем» (Айтматов Ч.Т. И дольше века длится день

Искусство постоянно оперирует представлением о времени, в котором «важными полюсами, границами и константами являются образы и интерпретации прошлого, настоящего и будущего ... их символические проекции порой совпадают или пересекаются, создавая устойчивые версии происходящего» [3]. Иначе говоря, широко распространен образ настоящего как некой области (интервала, зоны переменных размеров), обязательно имеющей длительность (измеряемую днями, месяцами, годами) [4]. При этом чаще всего речь идет об установлении границ, но не «размеров» настоящего (воспринимаемого как миг или, напротив, застывшего, вечного, ничем не ограниченного). Аврелий Августин полагал, что «есть три времени – настоящее прошедшего, настоящее настоящего и настоящее будущего. И где бы они (прошлое и будущее) ни были, но они существуют только как настоящее. И правдиво рассказывая о прошлом, люди извлекают из памяти не сами события – они прошли, – а слова, подсказанные образами их...» [5, с. 174].

Мы воспринимаем время только в совокупности, в связи с различными явлениями действительности. Существуют ментальные механизмы, смещающие во времени информацию о действии ближе к информации о результате, поэтому «осознанная деятельность всегда лежит чуть-чуть в прошлом» (Ch. Stetson) (цит. по: [6, с. 45]). Опираясь группами пространственно-временных параметров, наш мозг объединяет последовательные, хронологически и топологически разнесенные события в некую траекторию, цепь смыслов.

Архитектура (как предметно-материальное наполнение пространств бытия) является пространственно-временной моделью развития в самом широком смысле. Причем единство пространства, времени и значения в ней можно обозначить как «*архитектурный хронотоп*» [7, с. 107], соединяющий архитектурное пространство-время и социальный смысл. Нам кажется небезынтересной возможность приложения архитектурного хронотопа к определению границы между прошлым и настоящим, но более всего – самих хронологических размеров образа настоящего.

Исследователи обращают внимание на феномен «сокращения настоящего» [8, с. 194; 9, с. 98]. В современной динамической цивилизации резко «увеличивается количество инноваций и уменьшается хронологическое расстояние до того прошлого, которое во многих жизненных отношениях уже устарело, в котором мы не можем уже распознать привычной структуры сегодняшнего жизненного мира и которое поэтому представляется нам чужим и даже непонятным» [8, с. 195].

Сокращение настоящего – это процесс укорачивания протяженности временных интервалов, в которых мы можем рассчитывать на оп-

[Электронный ресурсы]. URL: http://modernlib.ru/books/aytmatov_chingiz_torekulovich/i_dolshe_veka_dlitsya_den/read).

ределенное постоянство наших жизненных отношений. Отсюда важное следствие – граница пространства жизненного опыта и горизонт будущего быстро становятся неконгруэнтными. Неизбежно возникают вопросы: 1) по каким критериям можно выделить настоящее как некий интервал, наделенный пространственно-временными свойствами; 2) как установить границу между прошлым и настоящим, настоящим и будущим; 3) исходя из чего, можно определить размеры этого интервала (образа настоящего)?

Сокращение настоящего (периода относительного постоянства бытия), вызванное ростом инноваций, означает не только сокращение хронологического расстояния до прошлого, но и сокращение обозримого будущего. Меняется само восприятие «опыта времени», и требуются колоссальные усилия исторического сознания, компенсирующие опасность растворения идентичности во времени. Вполне естественно, что чем быстрее социокультурное пространство (архитектурная среда в том числе) становится чужим, тем сильнее мы стремимся сохранить опыт отождествления себя со временем.

Термин «архитектура» (*αρχι* + *τεκτονική* = искусство материально-предметного наполнения пространств социального бытия) имеет множество трактовок: от создания защищающей человека среды, до архитектуры компьютера, корабля, международных отношений и т. д. Мы будем рассматривать понятие в его классическом значении, т. е. архитектура как искусство строить и его результаты. Архитектура (здания, сооружения и их ансамбли), удовлетворяющая материальные и духовные потребности социума, обычно имеет две ипостаси. Во-первых, это воплощенное знание технических приемов расчета и проектирования, включая технологии возведения. Во-вторых, арсенал средств аккумуляции и трансляции художественного, ценностно-смыслового и мифосимволического содержания [10, с. 15; 11, с. 47]. Иногда архитектура (например, промышленная, фортификационная и т. п.) демонстрирует преобладание функционального начала, в других случаях – подчиняется преимущественно духовно-художественным аспектам (обелиски, монументы, памятники и пр.).

И все это трехмерное материально-предметное (архитектурно-ландшафтное) наполнение пространств социального бытия может быть соотнесено с четвертым измерением – временем. Всегда и везде архитектура является знаком, «визитной карточкой» не только населенного места, региона или государства, но и эпохи в целом, поскольку зримо свидетельствует об истории, идеологии, культуре, уровне жизни, национальных традициях конкретного социума. Совокупность основных черт архитектуры определенного времени и места, проявляющаяся в особенностях функциональной, конструктивной и художественной сторон (назначение зданий, используемые материалы и конструкции, приемы архитектурной композиции и декорирования) обычно опреде-

ляют как архитектурный стиль. Со времен Античности и до наших дней принято выделять полтора-два десятка архитектурных стилей глобального значения. Хронологические рамки периодизации главенствующих архитектурных направлений достаточно условны, скорее это нечеткие множества, для которых характерны сосуществование (наложение) в хронологическом и топологическом отношении [12, с. 7].

В итоге каждый новый архитектурный стиль представлял собой преобразованный вариант ранее доминировавшего стиля. Существующая периодизация стилей европейской архитектуры допускает выделение «анализирующих» и «синтезирующих» стилей [13, с. 137]. Так, анализирующие периоды в развитии архитектуры характеризуются использованием преимущественно системы изолированных форм (например, фасады флорентийских палаццо состоят из механически соединенных рядов одинаковых и композиционно завершенных элементов). Синтезирующие периоды проявлялись в слитых, незаметно переходящих одна в другую формах единого пространства, подчиненного общей идее. К «анализирующим» стилям относят архитектуру Египта и Древнего Востока, расцвета эллинизма и Древнего Рима, романский стиль, архитектуру Ренессанса и классицизм. «Синтезирующие» стили – архитектура Древней Греции, Византии, готика и барокко.

Появление новых декоративных форм, конструкций, изменение типологии зданий и сооружений происходили в конкретных исторических условиях под действием сложных сочетаний многообразных факторов (состояние производительных сил, уровень социально-экономического и научно-технического развития, географические условия, культурные традиции, характер культурно-экономических связей и т. д.). В итоге смена стилей в архитектуре демонстрирует, как новые формы появлялись вследствие развития представлений о пространственности и структуре, а равно – воплощения в архитектурных формах Нового времени, мироощущения, новых идеалов. В центре внимания оказывается не конкретный набор технических приемов и форм, а характер воздействия архитектуры на человека, закономерности её восприятия.

Очевидна сложная диахрония развития архитектурных стилей, выражающаяся в медленном нарастании сложности объемно-планировочных и декоративных приемов, сменяющейся скачкообразным переходом к относительной простоте, ясности, очевидности. Нелинейность процесса развития архитектуры проявляется: 1) в асимметрии периодов анализа и синтеза: продолжительность первых монотонно убывает с 10,2 до 1,7 столетий, вторых – относительно постоянна (2,2–1,8 столетия); 2) в устойчивом тренде сокращения времени доминирования архитектурных стилей.

Сегодня архитектура близка к уровню информационного насыщения. Налицо уменьшение доли элиминируемого, в результате из ог-

ромного арсенала веками наработанных приемов периодически извлекаются (становятся модными) те или иные решения. В целом же критерии отбора значимых элементов архитектурной среды становятся все более случайными. Сохранение и воспроизведение их черт определяются теперь не «пользой, прочностью, красотой» (по Витрувию), а местом, занимаемым в массовой культуре, нарастающей неоднородностью публики вследствие процессов глобализации и пр.

По-видимому, классицизм был последним глобальным архитектурным стилем, далее последовала эпоха архитектурного плюрализма, когда ни один архитектурный стиль уже не был способен стать зримым воплощением миропонимания. Характер тенденции изменения возраста архитектурных стилей действительно иллюстрирует, по нашему мнению, «сокращение настоящего», проявляющееся и в архитектуре. Но асимптота (чуть менее двух столетий) едва ли может рассматриваться как та самая «продолжительность настоящего», воплощенная в архитектуре, поскольку в своей жизни мы сталкиваемся не с продолжительностью жизни архитектурного стиля, а с конкретными зданиями и сооружениями. Срок жизни их достаточно расплывчатое понятие, он определяется как физическим (материальным), так и функциональным (моральным) износом.

Среда предметно-пространственного окружения является важным средством установления связи между настоящим и бесконечно расширяющимся прошлым. Она помогает историческому сознанию компенсировать опасность растворения идентичности во времени. Во многом именно благодаря неустранимому присутствию архитектуры возникает и утверждается порядок истории. Архитектурно-ландшафтная среда неплохо сопротивляется устареванию, хотя ограниченные территориальные возможности развития наших поселений сокращают срок службы современной архитектуры. Самые обычные здания технически способны выполнять свое предназначение примерно в течение 1,5 столетия (конечно, при условии выполнения всех необходимых требований по их эксплуатации).

Наблюдаемые реальные сроки функционального устаревания подавляющего большинства общественных зданий (становящегося очевидным их несоответствия меняющимся социальным требованиям и выполняемым функциям) являются, по нашему мнению, хронологическими рамками, задающими масштаб настоящего. Подобно установленному тренду сокращения продолжительности жизни архитектурных стилей все чаще наблюдается также и уменьшение реальных сроков «жизни зданий», которые просто не успевают состариться физически в силу быстрого морального износа.

Обычно материальный износ здания плавно нарастает примерно до 90–100 лет. Затем следует лавинообразное увеличение износа и в перспективе – руинирование объекта [10, с. 15]. Функциональный износ

меняется скачкообразно по мере изменения социальных требований и, самое главное, опережающими темпами. В итоге мы видим функционально не изнашивающиеся храмы, возраст которых измеряется столетиями, и одновременно наблюдаем снос вокзалов, торговых комплексов, спортивных сооружений, которые отслужили считанные десятилетия. Привычной становится ситуация, когда здание находится во вполне удовлетворительном физическом состоянии, но его функциональный износ превышает все допустимые границы.

Хорошо известные подходы (реставрации, реконструкции, ревалоризации и ревитализации зданий, сооружений и застройки) не позволяют решить проблему в полной мере. Сложившиеся в современном мире сроки жизни наиболее «заметных» общественных зданий, определяемые продолжительностью их морального износа (25–30 лет), собственно, и устанавливают реальную продолжительность «настоящего архитектуры». Конечно, жизнь конкретного человека не синхронна существованию архитектурных объектов, речь идет лишь об общей тенденции, особенностях восприятия пространственной среды (архитектурного текста) [14, с. 106]. Поэтому с известной мерой условности эти же хронологические рамки, по нашему мнению, могут быть отнесены и к «сокращающемуся настоящему» в самом широком смысле.

Мы все так же ценим классическое в архитектуре, но не способны ограничить лавинообразно нарастающее разнообразие предметно-материального наполнения пространств социального бытия. В итоге обращаемся к архитектурному хронотопу, чтобы обозначить границу между прошлым и настоящим (в идеале – сохранить наше прошлое, становящееся чуждым). Это вполне естественная реакция на давление инноваций, необоснованных предпочтений, эклектизма, индивидуализации и специализации.

Сама возможность использования опыта объемно-планировочных, конструктивных и технологических решений в качестве стратегических образцов архитектурной среды будущего весьма ограничена. С темпоральной точки зрения это означает, что настоящее (как отрезок времени, материализованный в архитектурной среде), отмеченное постоянством важных социокультурных элементов, распространяется всего-то на два–три десятилетия.

Использование архитектурного хронотопа позволяет определить границы настоящего, чтобы осмыслить последствия его сокращения: 1) сужение диапазона знаний, когда-то считавшегося обязательным для культурного человека; 2) расширение ориентаций (возможностей выбора иных способов существования); 3) снижение уровня рациональности и прогнозируемости принимаемых решений; 4) доминирование принципа социокультурной релевантности и прагматичности. Именно архитектура позволяет обнаружить в потоке событий и вещей то, что отличается хотя бы долговечной значимостью.

При таком подходе к анализу архитектурных текстов на первый план (наряду с социокультурным содержанием) выступают не только метрические соотношения размеров конституирующих элементов и расстояний между ними, но и отношения соседства и порядка следования. В силу своей дискретности хронотопология настоящего может: 1) «исключить» его – настоящее – из потока физического времени; 2) задать интервал существования настоящего (от краткого мига до застывшего безразмерного образования).

Отметим, что феномен «сокращения настоящего» по-разному проявляется в социумах различного типа. Он практически отсутствует в обществах традиционного типа и ярко выражен в современном западном мире. Здесь продолжительность «настоящего» очень быстро сокращается. Однако, исходя из процессов функционального (морального) износа определенных элементов окружающего человека материального мира и представлений об архитектурном хронотопе, мы можем определить вполне конкретные границы настоящего.

Совсем не случайно, по нашему мнению, сегодня «продолжительность настоящего» близка 25–30 годам, принимаемым в качестве количественной характеристики одного поколения, в глазах которого и происходит моральный «износ» архитектурно-ландшафтного компонента пространств социального бытия. В восприятии следующего поколения он уже не выглядит современным, не соответствует новой системе жизненных отношений и новому хронологическому отрезку относительного постоянства бытия.

Список литературы

1. Земун Ю.А. Тайм-инсайт изменяющий жизнь // Между прошлым и будущим [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://semun-2.blogspot.ru/2010_01_01_archive.html. Дата обращения: 28.04.2014.
2. Чаадаев П.Я. Философические письма (1829) [Электронный ресурс]. URL: <http://www.magister.msk.ru/library/philos/chaada01.htm>. Дата обращения: 19.09.2012.
3. Берг М. Неофициальная ленинградская литература между прошлым и будущим [Электронный ресурс]. URL: <http://www.mberg.net/prbud/>. Дата обращения: 21.04.2014.
4. Настоящее по Рубинштейну [Электронный ресурс]. URL: <http://freecopi.ru/taim-menedzhment/562-nastoyashee-po-rubinshteynu.html>. Дата обращения: 28.04.2014.
5. Аврелий Августин. Исповедь // Аврелий А. Исповедь. Абелия П. История моих бедствий. М.: Республика, 1992. 336 с.
6. Макаров О.А. Путешествия мозга во времени // Популярная механика. 2014. № 6. С. 44–48.

7. Иовлев В.И. Архитектурный хронотоп и знаковость // Семиотика пространства: сб. науч. тр. Междунар. ассоц. семиотики пространства. Екатеринбург: Архитектон, 1999. С. 103–115.
8. Koselleck R. «Erfahrungsraum» und «Erwartungshorizont» zwei historische Kategorien // Patzig G., Scheibe E., Wieland W. Theorie der Geisteswissenschaften. XI. Deutscher Kongress für Philosophie (Gottingen, 1975). Hamburg, 1977. S. 191–208.
9. Люббе Г. В ногу со временем. О сокращении нашего пребывания в настоящем // Вопросы философии. 1994. № 4. С. 94–113.
10. Федоров В.В., Давыдов В.А., Левиков А.В. Архитектурные руины в современном мире // Архитектура и строительство России. № 11. 2013. С. 14–21.
11. Федоров В.В., Овчарова А.Ж. Феномен города: ценностно-смысловой аспект. Saarbrücken (Deutschland): Palmarium Academic Publishing, 2012. 162 p.
12. Федоров В.В. Архитектурный стиль как воплощенное миропонимание // Вестник Тверского государственного университета. Серия «Философия». 2011. № 2 (18). С. 4–9.
13. Агафонов С.Л. Закономерности развития архитектурных стилей // Архитектура мира. М.: НИИТАГ, 1993. Вып. 2. С. 133–149.
14. Федоров В.В., Давыдов В.А., Левиков А.В. К проблеме установления границ, уровней и языка архитектурного текста // Пространство и время. 2014. № 1(15). С. 102–106.
15. Аристотель. Физика // Соч.: в 4 т. М.: изд-во «Мысль», 1981. Т. 3.

THE IMAGE OF THE PRESENT IN THE PERSPECTIVE OF THE ARCHITECTURE-CHRONOTOPE APPROACH

V.V. Fedorov, D.A. Hanigin, A.Z. Ovcharova

Tver State Technical University, Tver

In the social practice context, the image of the present often appears as a certain time interval. The unity of space, time, and meaning in the architectural environment may be understood as a chronotope that allows to determine the boundaries of time and the chronological dimension of the present image. The phenomenon of the «reduction of the present» consists in the chronological distance reduction up to a fragment of the past that looks obscure and insignificant.

Keywords: *image of the present, architecture, chronotope.*

Об авторах:

ФЕДОРОВ Виктор Владимирович – доктор культурологии, профессор, заведующий кафедрой архитектуры и градостроительства, Тверской государственной технической университет, Тверь. E-mail: vvf322@yandex.ru

ХАНЫГИН Дмитрий Александрович – доцент кафедры архитектуры и градостроительства, ФГБОУ ВПО «Тверской государственный технический университет», Тверь. E-mail: mityay1980@yandex.ru

ОВЧАРОВА Анотали Жоржевна – старший преподаватель кафедры архитектуры и градостроительства, ФГБОУ ВПО «Тверской государственный технический университет», Тверь. E-mail: zuzaya@mail.ru

Authors information:

FEDOROV Victor Vladimirovich – Ph.D. (Cultural Studies), Prof., Chair of the Dept. of Architecture and urban planning, Tver State Technical University, Tver. E-mail: vvf322@yandex.ru

HANIGIN Dmitry Alexandrovich – Assoc. prof. of the Dept. of Architecture and urban planning, Tver State Technical University, Tver. E-mail: mityay1980@yandex.ru

OVCHAROVA Anatoly Georgevna – Senior lecturer of the Dept. of Architecture and urban planning, Tver State Technical University, Tver. E-mail: zuzaya@mail.ru